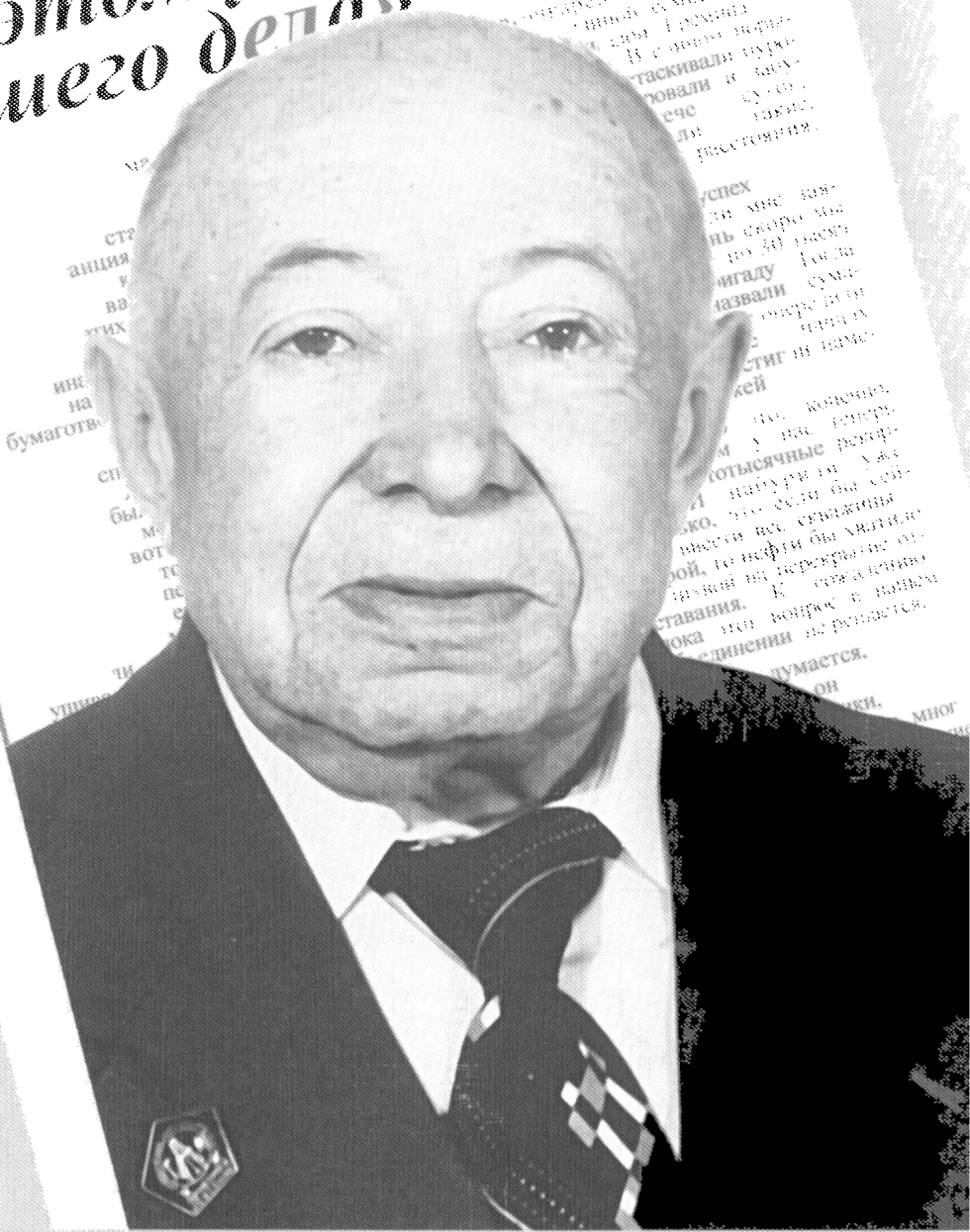

К33.3(2-2"УДЧЗ)6.8

Евгений Жаворонков

*(В этом успех
нашего дела)*

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Евгений Никитович
Жаворонков

9000623796

Сургут
Издательско-полиграфический комплекс
2009

УДК 622.3(092)(571.122Сургут)

ББК 65.304.13г(2Рос-2Сургут)

Ж 135

Издано по заказу Администрации города Сургута

Автор текста Г.В. Кондрякова

Ответственная за выпуск В.И. Тройнина

Ж 135 Евгений Никитович Жаворонков: Живая память / Г.В. Кондрякова, Л. О. Морохова. – Сургут: Изд.-полиграф. комплекс, 2009. – 32 с. – (Живая память).

Очередное издание из серии «Живая память» рассказывает о Евгении Никитовиче Жаворонкове, пионере освоения нефтяных кладовых Сургутского Приобья, удостоенном высокого звания «Почётный гражданин города Сургута».

При подготовке издания использованы очерк Л.О. Мороховой, воспоминания коллег Евгения Никитовича, газетные публикации, фотографии, с любовью собранные его супругой Ниной Степановной.

ISBN 978-5-904525-01-9

© Администрация г. Сургута, 2009

© ООО «Издательско-полиграфический комплекс», 2009

Евгений Никитович Жаворонков

Из биографии

Евгений Никитович Жаворонков родился в 1926 году в Башкирии. По национальности русский. Образование высшее, профессия – горный инженер. Участник Великой Отечественной войны, почётный гражданин города Сургута.

После демобилизации из Советской Армии в 1950 году поступил учиться в Уфимский нефтяной институт. Начал свою деятельность после окончания учёбы в 1955 году в Азнакаевской конторе бурения Татарской АССР, где прошёл путь от рабочего до горного инженера.

В 1964 году – директор разведочной конторы бурения треста «Пермьвостокнефтеразведка». В 1965 году в числе первых специалистов Поволжья приехал для освоения недр Западной Сибири и возглавил первую эксплуатационную контору бурения, впервые в Сургуте организовал строительство теплиц для коллектива буровиков.

Евгений Никитович награждён орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями «За отвагу», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», почётный нефтяник Миннефтепрома.

Умер в 1999 году, похоронен на Чернореченском кладбище.

С ЛЮДЬМИ И ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Евгений Жаворонков родился в марте 1926 года в одном из башкирских сёл. Отец, Никита Жаворонков, перевозил семью с одного места службы на другое. В Усолкинском леспромхозе, на Урале, он стал директором, а мать трудилась учительницей поселковой школы. Евгений, тогда просто Женька, заканчивал школьную бурсу. Учёба давалась энергичному и весёлому пареньку легко.

Женькин отец – убеждённый коммунист, директор единственного крупного предприятия в посёлке, дававшего работу большей части его жителей, не позволял ни жене, ни детям (у Евгения было две сестры – Нина и Аля) ни щепки унести с леспромхозовского двора для растопки печки, кроме положенных семье по талонам дров.

Первую профессию Женя получил в ФЗО

*На заре туманной юности
(Е. Жаворонков - слева)*

Обычной едой семьи были хлеб и «затируха» — мука, разведённая кипятком, куда добавляли немного молока или капельку масла. Выручали лес, речка, небольшой огород возле дома. Именно тогда в душе Жаворонкова родилась и до последних его дней сохранилась любовь к природе.

С первых дней войны 1941–1945 годов Женькин отец, несмотря на «бронь», ушёл добровольцем на фронт. Следом, через несколько дней, собралась в действующую армию и старшая сестра Нина. Семье Жаворонковых повезло, все ушедшие на фронт вернулись домой — израненными, но живыми. В том числе и Евгений.

Отец и старшая сестра воевали на разных фронтах, изредка присылая домашним весточки о себе. Женя тоже рвался на фронт. Обивал пороги военкомата, писал заявления. Много раз военком выставлял из своего кабинета настырного паренька,

но в конце концов он не выдержал и сдался. Так Евгений Жаворонков, после окончания первого курса Уфимского авиационного института, в сорок третьем, попал рядовым на Первый Прибалтийский фронт в 347-ю стрелковую дивизию, 1179-й стрелковый полк, который сражался в Белоруссии, под Полоцком.

Жаворонков получил противотанковое ружьё и стал первым номером, а второй боец, подававший боеприпасы, был и возрастом, и военным опытом старше безусого солдата. Бесстрашие молодого и рассудительность старшего в дальнейшем помогли им остаться в живых.

Вспоминая военное время, Евгений Никитович замечал, что не так страшен казался первый бой, в котором он подбил две бронемашины и уничтожил три дзота, за что впоследствии получил медаль «За отвагу», как налет «мессершмиттов» и «юнкеров» там же под Полоцком.

...Новобранцев выгрузили, не дотянув до фронта километров тридцать. Они шагали по весенней степи, не особенно веря в опасность: таким ясным и мирным было майское небо, в котором, словно наперекор войне, жизнеутверждающе звучала песня жаворонка. Птичку заметили, солдаты оживлённо и радостно бросали подбадривающие реплики крошечному певцу, и война будто отошла на задний план. Евгений и парни, с которыми сдружился за долгую дорогу, побежали в деревеньку раздобыть хлеба и молока. Вот тут всё и началось.

Четыре «мессершмитта» носились над землёй, поливая её смертоносным огнём. Это была одна из самых жестоких бомбёжек, которые довелось пережить молодому солдату. От деревеньки, в которой Евгений час назад пил молоко, осталось чадящее пожарище.

В первом же бою Жаворонков отличился, но был ранен. После госпиталя сел на грузовик, исколесил всю Прибалтику и пол-Европы. И самые сильные потрясения он испытал даже не от гибели друзей в боях, а тот момент, когда их, молодых ребят, в Прибалтике отправили раскапывать траншеи с телами мирных жителей, расстрелянных фашистами. По-немецки аккуратно, компактно, во рвах, слегка припорошенные землёй, лежали тела грудных младенцев, женщин, стариков. Эта жуткая картина всегда стояла у него перед глазами.

Долгожданный День Победы Евгений встретил в школе младшего комсостава в Тильзите.

– Спросонья я ничего не мог понять, – вспоминал Евгений Никитович. – Два часа ночи, стрельба. Ну, думаю, немцы! Бросился вниз по лестнице, а там что-то невообразимое творится. Стреляют, кто из чего может. «Победа!» – кричат.

Выдвинутый командованием для участия в Параде Победы Жаворонков в Москву не попал из-за... двух сантиметров

роста. Требовались победители не ниже 168 сантиметров, а он был всего 166! Простой он ещё рос.

Призывного возраста Евгений достиг лишь после окончания войны и служил ещё долгих три года. Домой возвратился с орденами на груди и с фотографией Нины в кармане: все страшные, трудные месяцы войны он бережно хранил её у сердца.

Нина, с которой познакомился ещё до фронта, заканчивала свой медицинский, а Евгений, отслужив положенный срок, на второй курс авиационного решил не возвращаться: выбрал нефтяной институт, потому что стипендию в нём платили больше, чем везде. Так и определил Жаворонков свою судьбу, и ни разу не пожалел о том в дальнейшем.

Нина по распределению уехала в Карлы, где жила старшая сестра, и там работала врачом. В пятидесятом они расписались. Так и жили молодожёны: Нина работала в селе, Женя учился в Уфе и жил в студенческом общежитии. На выходные, праздники приезжал в Карлы. Там и родилась первая их дочь, названная в честь старшей Нининой сестры Ириной.

В 1955 году Евгений Жаворонков закончил Уфимский нефтяной институт. С дипломом горного инженера и направлением в кармане молодой специалист приехал в посёлок Азнакаево, где тогда только открылась контора бурения объединения «Татнефть», и сразу же, имея за плечами, помимо теории, лишь несколько месяцев производственной практики, пошёл бурильщиком. Вскоре перевёз семью: жену Нину, дочку и тещу Александру. Через непродолжительное время стал буровым мастером, а потом и старшим инженером участка. В его подчинении находились четыре буровые бригады. Случались здесь нештатные, экстремальные ситуации. Но работа увлекала, и Евгений быстро продвигался по служебной лестнице. Из Азнакаево он махнул на Урал, в Кунгур, где возглавил контору бурения.

Всё ещё впереди

С женой и дочерью

В начале шестидесятых Николай Алексеевич Мальцев, будущий министр нефтяной промышленности, а тогда ещё начальник НПУ «Азнакаевскнефть», стал генеральным директором объединения «Пермьнефть» и предложил Евгению Никитовичу возглавить контору бурения в Перми.

Жаворонков поехал посмотреть новое место работы, а главное – жительства. Однако Пермь разочаровала его, и на предложение Мальцева он ответил отказом. Но тот отказ не принял, наоборот, настоял на приезде, собрал коллектив и представил им нового директора.

– Я не давал согласия! – вспыхнул Жаворонков.

– Ничего, – ответил Николай Алексеевич, – так надо.

Пришлось оставить хорошую четырёхкомнатную квартиру в Азнакаево, и переехать на новое место.

– Наследство мне досталось аховое, – вспоминал впоследствии Е.Н. Жаворонков.

– Пьянство среди пермских буровиков было повальное. Случалось, забрасывали в вахтовые автобусы «трупы» – пьяных в стельку работяг. Я сразу же решил, что надо как-то устранять это безобразие. На вооружение взял материальный стимул. Те, что работали добросовестно, получали хорошие деньги, премии, поощрения денежные, а «забулдыг» бил по карману и подключил к этой борьбе их жён. Каждая из них своего мужа скрутила в бараний рог. Совсем неисправимых увольняли. В конце концов, дисциплина наладилась.

Вскоре на нефтяной карте страны всё более настойчиво заявляла о себе будущая Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция. Из треста «Тюменнефтегазразведка» во все уголки страны полетели вызовы на работу, партийным и советским органам постановлением Совета Министров предписывалось оказывать всяческое содействие отъезжающим на работу в Сибирь. Те, кто отправлялся на север,

оставляли за собой жильё, бронируя его на определённый срок. В надежде на лучшее решил попытать счастья и Жаворонков. Шесть раз он переписывал заявление о переводе и шесть раз Мальцев швырял его назад.

– Какая Сибирь? – кричал он. – Романтики нашлись!

Однако переупрямить Жаворонкова не удалось. Евгений Никитович отдал заявление секретарю, отработал положенные двенадцать дней, снялся с партийного учета и поехал в Тюмень, в главк, а оттуда, с направлением, в Сургут: создавать контору бурения.

Приказ о назначении Евгения Никитовича Жаворонкова директором Сургутской конторы разведочного бурения № 4 управляющий трестом «Тюменнефтегазразведка» М.Н. Сафиуллин подписал в марте шестьдесят пятого года. А три дня спустя, 23 марта 1965 года, прибыв на место как раз в день своего 39-летия, Е.Н. Жаворонков издал приказ № 1 «Об организации конторы». Ручка да приказ о назначении в кармане – вот и все его директорские атрибуты были. Дали под контору бурения две комнатёнки в деревянном доме, в одной жили, а в другой – работали.

Остро стояла задача строительства жилья. Набирали специалистов разных профилей, строили землянки, балки, дома и одновременно приступили к постройке базы предприятия. Ещё крыши не было, а станки уже стояли, обозначился турбинный цех. Худо-бедно, к шестьдесят шестому году база уже работала.

– Помню такой интересный случай, – рассказывал Жаворонков, – однажды, под вечер вваливается ко мне домой бурильщик из Перми Пономарёв. С двумя чемоданами и женой: мол, приехал, Евгений Никитович, принимай. Да не нужны мне ещё бурильщики, отвечаю, куда мне тебя?! Как не нужны, удивился, тут же вон какие дела, начинаются? Толковать с ним было бесполезно, он назад возвращаться не думал.

Бывало и так ...

Останусь, говорит, и баста. Так и остался. У меня жил первое время. Вообще наш дом всегда был как перевалочная база, кто ни приедет – куда? К директору.

Чтобы к зиме закончить строительство вагон-городка нефтяников, строители трудились день и ночь, стараясь как можно быстрее выполнить работу. Впрочем, строителями в первый год были все, без различия должностей и статуса. Директор конторы Жаворонков надевал болотные сапоги и наравне со всеми работал на обустройстве базы.

Ухоженный ряд домов-коттеджей прописался в новом микрорайоне, называемом НПУ и теперь известном как микрорайон нефтяников.

Доехать, тем более дойти туда было ох как нелегко! Грязи по колено, и то сказать, новый жилой массив наступал на оленьё болото, где водились клюква и брусника, грибы и черника. Где мошарина чередо-

валась с мошариной, а значит топли ноги, их не спасали «болотники», что служили обычно первым проходцам верой и правдой. Но молодой руководитель Жаворонков верил в лучшее будущее, которое он и его коллектив, собранный с «бору по сосёнке» начинали с азов.

Главное – началось бурение: за 1965 год две бригады Сургутской конторой разведочного бурения № 4 пробурили 6506 метров – на полторы тысячи больше плана. Это было начало тех сногшибательных рекордов буровиков, которые гремели потом на весь Союз.

Добивались рекордов ценой самоотверженного труда, совершая порой вещи удивительные и решая производственные задачи отнюдь нетривиальными способами. Жаворонков, со своей стороны, дерзкие идеи во имя дела поддерживал и ответственности не боялся. До сих пор вспоминают ветераны, как в первоймай-

Первый секретарь горкома КПСС Михаил Конев вручает Евгению Никитовичу награду

ские праздники бригада вышкомонtajников Александра Григорьевича Тимченко с подачи Жаворонкова совершила беспрецедентный эксперимент: перевезли буровую «стоя», не демонтируя. С Солкина на Западно-Сургутское месторождение! По тайге, бурелому, через речушки и озера, по залитому водой льду восемь тракторов тянули буровую на санях.

– Я их ждал на «точке», на Западном Сургуте, – вспоминал Е.Н. Жаворонков. – Приготовили стол отличнейший. Когда, наконец, увидели буровую все, кто её ожидал, кричали «ура!», словно к нам спустился инопланетный корабль. А сами герои едва на ногах держались от усталости.

За этими трудовыми подвигами стоял не только энтузиазм, хотя именно он двигал этими делами, пожалуй, в первую очередь. Евгений Никитович с первых дней руководства конторой делал все, что от него зависело и даже больше, чтобы создать для работников нормальные соци-

ально-бытовые условия. Только за первые два года хозяйственным в Сургутской конторе бурения были построены 100 квартир в деревянном исполнении, 8 коттеджей, баня, затем обустроили вахтовые посёлки на месторождениях, появились у нефтяников первые котлопункты и... теплицы.

Несмотря на щедрость северного края, овощей всё-таки не хватало. Вот тогда на свой страх и риск решили на базе КРБ-4 построить теплицы. Соорудили, стали выращивать лук и раздавать его семьям буровиков. А потом как-то приехал начальник Главтюменнефтегаза Виктор Иванович Муравленко, узнал о теплицах, возмутился: мол, деньги не по назначению расходуются. Когда после этого директор Сургутской конторы прибыл на совещание в Тюмень, его сразу же по-дружески предупредили: готовься, Жаворонков, к худшему: на тебя из-за теплиц твоих целую телегу накатали.

– Я звоню в Сургут главбуху, – рассказывал Евгений Никитович. – Хватай,

говору, килограммов пять отборного лука и срочно самолетом отправляй в Тюмень. Пока совещание собирали, лук мне привезли. Я его прямо Муравленко на стол. Ну, скажу вам, картина была!

– Хитрец, – сказал тогда смягчившийся начальник главка, – как за такой лук накажешь!

Тем всё и обошлось.

«Обходилось» и многое другое, куда более ответственное и сложное, рискованное подчас. То же перетаскивание буровой в неразобранном виде или бурение первой наклонно-направленной скважины на Солкинском месторождении.

Первую наклонную скважину на Солкино бурили под моим контролем, – вспоминал Евгений Никитович. – Потому что мне приходилось делать это раньше. Мы возились возле скважины, как возле роженицы. Тут особая технология необходима: вышку следовало наклонить на пятнадцать градусов. Сейчас в бурении это уже привычное дело, и куст никого не удивляет, а та наклонная на Солкино была первая...

На долю Е.Н. Жаворонкова выпала самая тяжёлая и почётная миссия – идти первым, торить дорогу для тех, кто пойдёт следом.

– Для нас, двадцатипятилетних, – рассказывал Анатолий Сергеевич Арефьев, сегодня уже пенсионер Сургутского УБР-1, – Никитич, «Председатель», – так уважительно мы его называли – заменял отца родного. В нём было всё: и строгость, и в то же время тактичное, уважительное отношение к собеседнику. Он и ругал как-то по-особому. Рабочий день Жаворонкова начинался очень рано. Обязательно пешком, в любую погоду, он приходил в контору. А затем в течение дня не только успевал переделать громадьё дел, но и находил время побеседовать с каждым, кто к нему обращался. Неважно, касался ли вопрос рабочих моментов или требовалась помощь по личным, бытовым проблемам. Наш директор был и учителем, и наставником, и я очень благодарен судьбе, что она свела меня с таким Человеком с большой буквы.

Техника не выдержала, хромает так же как согбенная старушка

– Жаворонков слыл человеком очень доброжелательным, подходил к нам по-отечески, – вторит Арефьеву Михаил Николаевич Трофимов, начальник технического отдела Сургутского ВМУ, который свою трудовую биографию начинал в 1966-м механиком Сургутской конторы бурения. – Был у меня один случай. Я довольно скоро стал начальником прокатно-ремонтного цеха, который обеспечивал буровые турбобурами. Зима шестьдесят седьмого выдалась морозной. И один буровой мастер написал в партком на меня жалобу: дескать, турбобуры, которые цех поставлял его бригаде, неисправные. Жаворонков, конечно, вызвал к себе. Быть такого не может, отвечаю, все турбобуры ремонтируются одинаково добросовестно, и в какую бригаду они поступят, заранее никто не знает. А в этой бригаде действительно один турбобур отказал, другой, третий... Не могут запустить. Пригласили этого мастера в цех, он сам выбрал турбобуры. Приехали на буровую вместе с Жаворонковым. Привезли турбобур, собрали. На улице сорок

градусов мороза, железо холодное, не разогретое. А буровики собрались уже проверять, как вращается. Говорю, нет, никаких циркуляций, на спуск нужно идти. Пусть за мой счёт даже. Евгений Никитович кивает: делайте, как сказано. Сделали – работает турбобур. Оказалось, бригада технологию не соблюдала. А Жаворонков защитил меня, не пожалел времени, сам поехал – проверил. А позже поддержал моё предложение снабжать буровые низкооборотными турбобурами: они в наших условиях и срок использования увеличили, и проходку хорошую дали.

Ещё меня удивляло в Евгении Никитовиче то, как он умел проводить политзанятия. Такие интересные лекции читал! Я в институте подобных не слышал. Был у него особый талант к воспитанию. И он был убеждённым коммунистом – то есть жил для людей.

Нина, супруга Евгения Никитовича, поначалу устроилась в единственную на весь город больницу, расположенную в красивом лесном массиве, корпуса кото-

С женой и сестрой

*На первомайской
демонстрации в колонне
нефтедобытчиков*

рой сплошь состояли из брёвен, рубленных в лапу. Здесь лечили и сургутян, и жителей района. Затем перешла на службу врачом-бактериологом в санэпидемстанцию, заведовала лабораторией. Бабушка Шура вела домашнее хозяйство. Дети – Ирина и её младшая сестра Люся, родившаяся в Азнакаево, – учились в школе.

Место, на котором сейчас располагается бизнес-центр нефтяников, и вообще весь этот микрорайон, в шестидесятые было болотно-лесным массивом. Здесь девочки Жаворонковых, как впрочем и другие дети, обычно собирали грибы и однажды заблудились. Только к вечеру их отыскал отец, которому испуганная баба Шура позвонила на работу.

Ярким событием в череде буден становились для жителей города праздничные демонстрации – их устраивали в центре старого Сургута. К слову, новосёлы и ввели эту традицию, прочно прописавшуюся до наших дней. Школьников из посёлка нефтяников привозили на грузовиках. Ехали долго – машины буксовали, застревали в грязи. Бывало, спрыгивая на землю, люди проваливались по пояс в грязную жижу. Тем не менее, семья Жаворонковых вспоминает это время как самое лучшее, светлое. В доме всегда находилось множество гостей. Командированные из-за отсутствия в городе гостиницы шли ночевать к директору конторы бурения. И всех их встречали добросердечно и радушно.

На семейном празднике

С верной спутницей-женой Ниной Степановной

Засиживались допоздна у самовара, что-то горячо обсуждали.

Благодаря северной зарплате, семье Жаворонковых стало намного легче в материальном плане. Впервые они смогли позволить себе отдых на море, в доме появился телевизор. Старшей дочери, Ирине, тому времени исполнилось пятнадцать. Транслировали только один канал, но и его вся семья смотрела, пока не заканчивалась последняя передача. Недоедавшие в молодости взрослые, как могли, баловали детей северными лакомствами: девочки обожали пироги с белыми грибами, испечённые бабой Шурой.

– Отца дома, правда, мы практически не видели, – рассказывает Ирина Евгеньевна Жаворонкова. – Общались с ним редко, главным образом, в отпуске – нас с сестрой родители всегда брали с собой. В будни же, вечерами, отец приходил поздно. Но помню, что будучи хорошим математиком, он всегда помогал мне готовиться к урокам, если у меня что-то не получалось решить. А в воскресенье мы часто выбирались в лес – папа очень лес любил и приучил нас любить природу. Отец часто ездил на охоту, рыбалку, но только в редкие выходные дни. О работе дома никогда не говорил. Он вообще был довольно-таки молчаливым человеком, всё держал в себе. Конечно, у нас часто бывали его коллеги, но производственные проблемы и вопросы оставались за порогом.

Осенью 1967 года Евгений Никитович Жаворонков покинул свое детище КРБ-4, уйдя на должность главного инженера в трест «Запсиббурнефть». А три года спустя возглавил трест «Сургутнефтеспецстрой». В его состав тогда входили: Сургутское специализированное строительное управление № 2, Нижневартовские ССУ-2 и ССУ-3, Нефтеюганское ССУ-4, Стрежевское ССУ-5, Пойковское ССУ-6, Мегионское ССУ-7, Тазовский хозрасчетный участок и Ныдинское ССУ-8. Численность работников составляла почти 1200 человек.

И назначение Жаворонкова было неслучайным. Объёмы подготовительных работ к бурению росли стремительно. Предприятие опекал начальник Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко – он хорошо знал цену метра проходки и понимал, как важно заранее качественно готовить кустовые основания и дороги для буровых бригад. Заказчиками «Сургутнефтеспецстрой» являлись практически все буровые предприятия Среднего Приобья – это Сургутское, Нижневартовские № 1 и № 2, Нефтеюганское, Мамонтовское, Стрежевское, Мегионское управления буровых работ, а также Урайская экспедиция глубокого бурения.

– С Евгением Никитовичем я познакомился в начале августа 1971 года, когда был направлен молодым специалистом в «Сургутнефтеспецстрой», – рассказал Виктор Георгиевич Прохоренко, начальник СУМР-2 треста. – Евгений Никитович, несмотря на его занятость, нашёл время встретиться со мной, расспросил о планах на будущее и посоветовал идти мастером в новое управление в Сургуте. Нужно сказать, он всегда проявлял интерес, где человек остановился, собирается ли обзаводиться семьёй, то есть решал проблему не только кадрового настоящего, но и будущего. Он говорил: мне нужны хорошие офицеры. Любимым его выражением было: «Дал слово – крепись, сдержи, не сдержал – возьми пистолет и застрелись!». С этим его напутствием с первого дня я и работаю в тресте уже 35 лет.

Задачи перед «Сургутнефтеспецстроем» всегда ставились серьёзные. Ну а в то время и оснащённость была другая, и разбросанность великая. Работа с кадрами имела огромное значение. Это сейчас мы работаем уже многие годы – коллектив фактически сложился. А тогда каждый ехал на три года, и в задачу управляющего вменялось закрепить здесь специалистов, построить фундамент. Создание стабильного коллектива, ядра, я считаю, главный

Появились «прошпекты» и техника

вклад Жаворонкова в историю треста. Он всегда заботился об организации работы столовых, о строительстве вахтовых посёлков близ месторождений, о выделении жилья, дачных участков – о людях, одним словом. И всегда находил время спросить и проверить, как налажен соцбыт, чем занимается народ. Сейчас я удивляюсь: при такой разбросанности Жаворонков выкраивал время и успевал охватить всё, хотя ни нормальных дорог, ни техники, как сейчас, ни раций не было. А он, управляющий огромным трестом, находил время появиться в бригадах – с бригадирами, которых всех знал по имени-отчеству, обсудить задачи, с рабочими пообщаться. Умел как-то по-дружески наставить, научить, скорректировать. Голос ни на кого не повышал, но мог вместе с тем спросить с человека и потребовать выполнения.

Рабочий день управляющего начинался ранним утром, но после 10 часов он уходил из кабинета и уезжал на месторождения.

Его рабочее место находилось там, среди строящихся кустовых оснований, внутри-промысловых дорог, в вахтовых посёлках, на лесоучастках. Ездил, смотрел, разговаривал с людьми, но непосредственно в производственный процесс не вмешивался: считал, что отменить неверный приказ должен тот, кто его отдал. Иначе у людей не будет веры в руководителя, а без неё командиру любого ранга грош цена.

– Дороги в то время практически отсутствовали. Машины – ГАЗ-69, УАЗ-469 только появились. И вот по этому бездорожью в любое время дня и ночи Евгений Никитович мотался на трассе – там, где кончается дорога, где шаг ступил, – и дальше тайга, болото, – говорит главный инженер треста Сергей Анатольевич Кузнецов. – Конечно, он всю душу вкладывал в работу.

Невиданные темпы задавало соревнование, организацию которого управляющий трестом Жаворонков держал под неусып-

ным контролем. Передовиков награждали сказочно: давали холодильники, ковры, машины и квартиры. А чтобы стать передовиком, нужно было укладываться в сверхсжатые сроки. Вот и получалось, что пятилетка выполнялась за три-четыре года, семилетка – за пятилетку. В те годы тресту «Сургутнефтеспецстрой» неоднократно присуждались Красные Знамена Министерства нефтяной промышленности. Стиль работы слыл особый, построенный на энтузиазме.

– Евгений Никитович считался организатором производства, каких мало, – делится воспоминаниями Юрий Фёдорович Семёнов, работающий в тресте с 1967 года. – В те времена как было? Не смотрели ни на сроки, ни на трудности. Каждый знал: поставлена задача – попробуй не выполнить. Жаворонков собирал начальников управлений, специалистов, и все вместе выработывали единую тактику. После чего управляющий говорил: решили – делайте, ребята! И все понимали: общее

решение принято, отступать некуда. Не помню, чтобы в бытность Жаворонкова руководителем треста не выполнялось какое-то решение Министерства нефтяной промышленности, Главтюменьнефтегаза или, позже, объединения, в нашей части, конечно – по подготовке фронта работ для буровых и вышкомонтажных бригад! Как это ему удавалось, сейчас сказать сложно. Но, знаете, мы не единожды с ним выезжали на природу – порыбачить, поохотиться. Могли уехать вечером или ночью, а в семь утра все уже находились на работе. И у него была такая особенность: он просто проходил по кабинетам, смотрел: кто, когда приходит на работу и, ни слова не говоря, возвращался к себе. Это действовало сильнее, чем какой-то нагоняй. Все чётко знали: если что-то позволено в нерабочее время, в рабочее, будь добр, отдай.

Задачи мы тогда решали в принципе те же, что и сегодня стоят перед трестом, но несколько иными методами

Здесь-то уж точно ищут грибы

и другой техникой. В середине 1970-х превалировало строительство лежневых дорог, во временном исполнении. Масса леса уходила на строительство, местный леспромхоз с участками, расположенными в районе, едва справлялся с заданиями по поставке древесины, которую вбивали в дорожную хлябь.

Этот метод в условиях бездорожья при существовавшей технической оснащённости позволял быстро продвигаться по месторождениям. Мы ведь подстраивались под темпы бурения и добычи. Помню, как поставили перед нами задачу построить дорогу на Фёдоровское месторождение – зимник протяжённостью 40 километров. Сейчас в это слабо верится, но тогда на преодоление этого расстояния уходили почти сутки – по бездорожью, на вездеходах. А после высаживали десант и строили два-три куста, чтобы начать проходку. Начальное бурение обеспечивалось практически с вертолёта. Деревянный рубленый балок – скрипящий, кряхтящий, который рабочие таскали за собой, казался высшим благом. И приготовленный в таком же «ресторане» подавался обед, который рабочие проглатывали, не снимая робы.

Во многом делалось всё это и благодаря личным достоинствам управляющего треста. Глядя на него, вели себя так же и руководители управлений. Конечно, Жаворонкову помогал в работе весь предыдущий опыт: он знал, что нужно буровикам и как это можно сделать, потому настраивал своих подчинённых именно на конечную цель – чтобы не стояли буровые бригады.

Когда стали затухать нефтяные фонтаны Шаима, трест «Сургутнефтепестрой» в срочном порядке, в течение года, занялся перебазированием двух управлений из Урая на Самотлор, в Нижневартовск. Требовалось перевезти технику, людей, создать для них хотя бы минимальные жилищно-бытовые условия.

– В очень напряжённое время жили, – вспоминает Юрий Федорович, – мы

Жаворонкова практически не видели, он постоянно мотался где-то между Ураем и Нижневартовском. Но и с этой задачей «Сургутнефтепестрой» справился – в том же году управления уже строили кусты, дороги, началось бурение на Самотлоре.

Это только сейчас понимаешь, с каким организатором мы работали! Тогда нормально было выехать в пять утра по зимнику и успеть побывать на объектах нижневартовских управлений, заехать по пути в Мегион, а после, по кольцу, вернуться в Радужный и на Пойковское месторождение. Маршрут этот одолевали на старом «уазике» примерно за 36 часов, но Жаворонков успевал всё: и состояние дел посмотреть, и с людьми поговорить, и новые задачи поставить.

Одной из главных черт Евгения Никитовича его бывшие коллеги называют способность, а правильнее – смелость принимать неординарные решения. И добавляют: без этой новаторской жилки просто невозможно было успеть выполнить в срок стоявшие перед трестом задачи.

Сейчас ветераны предприятия с улыбкой вспоминают, как жгли всю ночь костры, чтобы на несколько градусов согреть трескучий морозный воздух – всё технике полегче. А мосты, которые зимой перебрасывали с берега на берег в виде трёх-четырёх сваренных между собой труб, лишь по центру удерживаемых одной-единственной опорой? По пять-шесть лет такие мосты работали, хотя все понимали – риск нештучный. Но, решая локальные задачи, Жаворонков не боялся брать на себя ответственность за подобные решения.

Именно здесь, в Западной Сибири, силами треста, вопреки всем технологиям дорожного строительства, впервые стали прокладывать дороги на промороженном основании. Гусеницами тяжёлой техники проходили по болоту, сжимали торф, который под давлением садился. Вода выступала наверх, застывая ледяной корочкой. Потом снова пускали по трассе

тяжёлую технику, и так несколько раз, пока не образовывался слоёный ледяной пирог. Дальше свою работу делал мороз. Эти ледовые дороги стали первыми на пути к Саянскому. Подтаивали они только к концу лета, и очень помогали сокращать как материальные затраты, так и сроки строительства.

– Период, когда Жаворонков руководил трестом, пришёлся на время освоения новых месторождений и разработки совершенно новых методик с учётом условий Западной Сибири, – говорит Валентин Александрович Цареградский, главный энергетик треста «Сургутнефтегазстрой». – Как сейчас на Талакане, в Восточной Сибири, так и тогда в Западной мы набираем опыт буквально на ощупь, Теперь, к примеру, капитальные линии электропередачи зимой в состоянии строить и подрядчики, а прежде подобных фирм в распоряжении Сургутнефтегаза не было. Строительством ЛЭП также занимался трест, причём выполнялись работы в

кратчайшие сроки – за три-четыре дня, за неделю.

Евгений Никитович стал инициатором строительства и первой грунтово-возной дороги через озеро Пильтанлор (чтобы сократить сроки поставок грунта) – этот бесценный опыт институты впоследствии использовали для выработки методики работы на ледовых переправах. Строительство дороги через озеро было делом чрезвычайно рискованным и небезопасным для человеческой жизни. Первым шёл бульдозер, управляемый двумя рычагами. К нему привязывали верёвки, и машинист, чтобы самому не провалиться, следовал за бульдозером метрах в двадцати, управляя им на расстоянии. Евгений Никитович считал: утонула машина – можно вытащить, а человек погибнет – не вернёшь никогда.

– Вопросы безопасности рабочих в любой ситуации для Жаворонкова были первоочередными, – рассказывает В.Г. Прохоренко. – Кусок железа, говорил управляющий, мы вытащим, и он снова

Постарели первопроходцы. С коллегой по труду и фронту Хамзой Бикбовым

будет блеснуть в руках. А если кто-то сомневался, он, бывало, скажет: покажи свои руки. Человек, не понимая, протягивал ладони, а Евгений Никитович и говорил ему: ты посмотри – золотые руки у тебя! Потом на механизм показывает: а это что? Видишь, у Ивана отвал бульдозера блестит (это лучший бульдозерист был в нашем управлении – Иван Суховерхов), значит, человек золотой. У хорошего человека железо блестит, а у плохого – ржавеет. А ещё всегда говорил: гвоздь валяется, ты его должен подобрать, запустить в дело. Сегодня мы вернулись к этому – систему R/3 внедряем, следим за запасами, чтобы не создавать лишних. А он этот подход уже в те годы прививал, только не через компьютерную систему, а через общение с руководителями, с рабочими.

При всей своей загруженности Евгений Никитович находил время и для общественной деятельности.

Заядлый рыбак и охотник, Евгений Никитович с удовольствием выбирался с коллегами на природу, особенно в послед-

ние десять лет своей жизни. Помнят его знаменитую уху собственного рецепта, как сам он её называл – шулюм. Заваривая уху, он для навара добавлял в ведро и тушёнку, и рыбу, и крупу, и картошечку, и зелень, и приправ в обязательном порядке, а в самом конце – водочки плеснёт для вкуса и палочку из костра бросит: чтобы ушица с дымком была. И действительно, как признавались люди знающие, такой ухи наесться было невозможно. К тому же и свежий воздух добавлял аппетита. Для лесных походов была у Жаворонкова особая ложка – большая, деревянная, выдавшая виды. И сколько ни предлагали ему коллеги подарить новую – не брал.

В 1982 году на посту управляющего трестом «Сургутнефтепецстрой» Евгения Никитовича Жаворонкова сменил Юрий Васильевич Сычёв. Коллектив встретил нового управляющего спокойно, поверил ему. Тем более, что Жаворонков, уйдя на пенсию, остался в тресте работать главным технологом. С Сычёвым у них сложились деловые и одновременно дружеские

Может рыбацкая уха, а может грибов набрали

С женой Ниной Степановной на своей даче

отношения. Новый руководитель знал, что всегда может рассчитывать на поддержку ветерана.

Из треста Жаворонков ушёл только в девяносто пятом, но спокойным его заслуженный отдых назвать нельзя. Долгие годы активно вовлечённый в общественную жизнь Евгений Никитович и не думал опускать руки, постоянно участвовал в работе городского совета ветеранов войны, старожиллов города. Регулярно заглядывал и в трест – узнать, как дела, и нередко давал дельные советы новому руководству. Кроме того, Жаворонков организовал несколько садово-огородных кооперативов (именно его детищем стал ещё в 1972 году кооператив «Прибрежный») и являлся их председателем. Заботился он обо всём: и о ценах на удобрения, и о доставке их на участки, и о выделении земли вновь вступающим... Дачники «Прибрежного» до сих пор добрым словом вспоминают Евгения Никитовича Жаворонкова, так много успевшего сделать добра с людьми и для людей.

До последнего дня, несмотря на уже одолевшую болезнь, оставался он в гуще событий.

Ушёл из жизни Евгений Никитович 11 марта 1999 года, не дожив всего двенадцати дней до своего 73-летия. За свой труд удостоен многих почётных званий и регалий: отличник нефтяной промышленности, почётный нефтяник, ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, Почётный гражданин Сургута.

«С людьми и для людей» – под таким девизом учился, сражался, работал и жил знатный нефтяник из поколения первопроходцев Евгений Жаворонков. Жаворонков ранний и звонкий, жаворонков, сумевший толково наладить новое для этих далёких, по тем меркам, краёв дело.

Дело первопроходца Жаворонкова продолжают дети. Ирина Евгеньевна и Людмила Евгеньевна приняли эстафету из рук своего отца и работают в ОАО «Сургутнефтегаз», теперь и внук влился в ряды нефтяников.

В ЭТОМ УСПЕХ НАШЕГО ДЕЛА

Идти за советом к людям, быть в гуще масс. Как давно и долго мы говорим об этом. Говорим, ратуюем, вроде бы стараемся, но... Дистанция между руководителями, командирами производства, как ни странно, от этих слов не уменьшается. Да и может ли быть иначе, если, как говорится, нас заели текучка, бумаготворчество, совещания, заседания?

Давайте спросим сегодня себя: когда мы в последний раз были непосредственно на месторождении? И так вот просто, а не по случаю торжественного вручения переходящего знамени или ещё какого-то казенного мероприятия беседовали с людьми, выслушивали их беды, соображения, их советы? Уверен, что не всякий запомнит сразу-то.

Я к чему это говорю? Потому что за время своей работы встретил здесь, на этой неласковой северной земле, удивительное взаимопонимание со стороны партийных и советских руководителей. Было это сравнительно недавно, у самых истоков нефтяного преобразования края. То, что я пишу, совсем не ново и известно не только из моих уст. Многие мои коллеги начинали здесь становление, и я вместе с ними. Не скажу, что в Сургут я приехал новичком, как-никак за плечами осталось первое десятилетие трудовой деятельности, начавшейся с овладения, с постижения нелёгкой профессии бурового мастера. Ещё в Перми получил назначение начальником конторы бурения, в этом же качестве приехал в Сургут. Давал мне сюда путёвку Виктор Иванович Муравленко. А вместе с ней и наказ: как в сражении, пуще глаза беречь людей, прислушиваться к их мнению, знать не только их нужды и беды, знать характер каждого, имя, фамилию, отчество.

И это были не просто слова. Как я убедился позже, Виктор Иванович сам строго

придерживался этого принципа. Узнав человека один раз, он уже никогда его не забывал. Случалось, что уходили от него люди, и все равно он не переставал интересоваться их судьбой, а нередко и помогал утвердиться в жизни. Такой же принцип в работе с людьми был и у первого секретаря горкома партии Василия Васильевича Бахилова. Старался позаимствовать их методику и я. Может, не всегда у меня получалось, но тогда на помощь приходил наш принципиальный, неподкупный, боевой секретарь, настоящий начальник штаба Николай Федотович Воробьёв.

Сколько раз мы говорили с ним, обсуждали вопросы общения с людьми, и всегда он давал ценные советы. Может быть, потому, что сам Воробьёв прошёл нелёгкую жизненную школу: он участвовал в войне, находился на переднем крае в период восстановления народного хозяйства. Как говорят, перевидел за свою жизнь всякого. И он учил нас, учил самому главному – жизни.

И я, в ту пору начальник первой конторы бурения в Сургуте, мотался на дохленьких, холодных, допотопных вездеходах по таёжной глухомани. Ехал туда, где были мои люди. Припоминаю, как последним путём перетаскивали из Солкина оборудование. На санях везли вышку, а сзади оставалось ледяное крошево образовавшейся майны с косяками рыбы. Минули сутки, пошли вторые, когда на исходе дня показался санный поезд. У меня уж на новой точке всё было готово: и горячий обед, и душистый, обжигающий рот чай. Шутили, смеялись, не меньше их радовался и я.

И кем только ни приходилось бывать мне на буровых: вставал за станок, когда обнаруживалось, что никто из моих рабочих не может бурить наклонную скважину. Брал в руки кастрюлю и чайник, чтобы приготовить обед. Не сходили с рук мозоли от

Растёт достойная смена

лопаты, которая была надёжным строительным инструментом. Всё было. Иной раз и сам становился как школьник, если говорил или делал что-то не так.

На всю жизнь запомнил визит в горком по причине пропуска занятий в системе политучёбы. Бахиллов не разносил, пожалуй, он этого и не умел делать. А, как теперь сказали бы, воспитывал; и такие слова находил, что до сердца доставало. И всё-таки мы уважали и ценили своих наставников.

Вот я сегодня и взялся за перо, чтоб рассказать, как мы ценили слово, как ценили доверие товарищей, как свято выполняли наш партийный долг – беречь людей, знать их нужды, знать их чаяния. В этом и только в этом видится мне успех нашего общего дела.

Тогда, в первый год нашего пребывания на сургутской земле, мы набурили восемь тысяч метров при плане 5 тысяч. Предвижу невольную улыбку на лицах читателей. Но ведь тогда только начиналось большое дело освоения Севера, и, безусловно, начиналось хорошо. Работали мы и рука об руку со смежниками, так мы теперь называем вышкарей. А тогда мы были единой семьёй, единой бригадой Ерёмина–Тимченко. В едином порыве мы перетаскивали буровую, монтировали и забуривались в

течение суток. Конечно, были не такие, как теперь, расстояния, тем не менее.

Тогдашние успехи и настрой позволили мне заявить, что очень скоро мы станем бурить по 30 тысяч метров на бригаду. Тогда ещё меня называли сумасшедшим. Но мы опередили геологов и уже к началу 70-х годов достигли намеченных рубежей.

Теперь-то это, конечно, анахронизм, у нас теперь ставят стотысячные рекорды. И набурили уже столько, что если бы сейчас ввести все скважины в строй, то нефти бы хватило с лихвой на перекрытие отставания. К сожалению, пока этот вопрос в нашем объединении не решается.

И, мне думается, в немалой степени он зависит от кадровой политики, о которой мы, к сожалению, много говорим, но практические шаги делаем робко. Да и то опять же зовём людей к себе: в управление ли, в объединение ли, на собрание или совещание, а не идём к ним. Мы не знаем их запросов, их болячек, зачастую и расстаёмся, охотно и напрочь теряем след того, с кем трудился, может быть, не один год.

Настоящая нераспаханная целина в деятельности коммунистов, руководящего звена. И эта проблема ждёт своего решения.

Е. ЖАВОРОНКОВ, главный технолог треста «Сургутнефтегеспестрой», член КПСС с 1961 г.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Евгений Никитович
Жаворонков

Автор текста Галина Владимировна Кондрякова
Ответственная за выпуск Валентина Ивановна Тройнина

Редактор
С. А. Глушкова

Художественное оформление и редактирование
Е. В. Сычёва

Корректор
С. А. Глушкова

Подписано в печать 02.07.2009. Форма 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «PragmaticaCondC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 500 экз. Зак. № 374.

Отпечатано в ООО «СиТиПринт»: Екатеринбург, ул. Посадская, д. 16а.

Издательство ООО «Издательско-полиграфический комплекс»: 628400, ХМАО – Югра, Тюменская обл.,
г. Сургут, ул. Маяковского, д. 31, оф. 616; тел./факс (3462) 35-36-26; e-mail: ipksvet@wsmail.ru.